

*Вся эта жизнь зовётся божье мой,
И не хочу я больше быть красивым.*

Вторая строка – есенинская, я так думаю, но первую и Цветаева не напишет. Есенин, конечно – великий поэт. Не я так считаю, народ. А Цветаева – дама дворянствующая, но стиль у неё есть, хотя она Пушкина любила и не знала, что Пастернак из Маяковского вышел. Может, я не прав, но это уже вам судить.

А дальше Денисенко продолжает совсем уж по-цветаевски:

*Я буду вас любить, пока живой,
Со всею силой.*

Но вот это «пока живой»! Такую строчку, извините, никто, наверное, не напишет. Пока живой! Сколько в этом юмора и грусти. Грусть и юмор! Их всегда я вижу в стихах Александра Денисенко. У Шопена – нежная грусть. У Денисенко – грубо-нежная. Он для меня – Шопен сибирской деревни. В слове, конечно. Есенин – другое. Какой-то рязанский Гамлет, прочёвший «Слово о полку», от которого Хлебников отвернулся. А гротеск Денисенко раздражает порой, но – красота есть красота.

*По леву руку – левый нежный снег.
По праву – тёмно-синий, деревенский,
Посередине – торопливый тусклый след –
Ревнивый, задыхающийся, женский.*

А вот из другого стихотворения Денисенко. Было когда-то:

*Опять огонь в акрополе горит.
Вот женщины пришли, легли в акации.*

*Одна из них о счастье говорит
Под музыку Российской Федерации.*

Здесь, по-моему, снижение, по сравнению с началом:

*Ну падай, снег,
Твоя монарша власть!*

Снег действительно зимой царит, и обращение к нему в духе пушкинского боярина содержит те интонации, с которыми шекспировские шуты говорили королям свои двусмысленные истины.

Или вот:

*Деревенский вор,
Подперев щеку...*

Вор, да ещё и деревенский, сидит в позе князя Меншикова...

До сих пор, кажется, не удавалось изобразить хищника в сентиментальном состоянии. До этого, очевидно, самому надо быть немножко фашистом. Байрону или автору Пер Гюнта, возможно, это и удавалось. Но русская душа – душа Есенина и Высоцкого – до такого извращения не доходила. Получился Демон. Вспомним Наполеона:

*И капают горькие слёзы
Из глаз на холодный песок.*

Здесь властелин мира за кадром, а не внутри образа.

Эвдемонизм начался у нас Лермонтовым, а кончился Бальмонтом.

Сологуб симпатизирует уже не Демону, а Дьяволу и, несмотря на утончённый лермонтовизм, исходит не из реальности, а из сказки. Андрей Белый пытается соединить бальмонтовскую технику, эстетику «Мира искусства» с некрасовско-эсеровской идеологией, но он – слишком кантианец, слишком интеллигент, чтобы стать любимцем народа, и единственно, что он может сделать, это – уловить новые индустриальные ритмы, которые разовьются в машинной поэзии Маяковского, и Есенину останется совсем немного, чтобы запрячь их вместо трактора в телегу, которая птицей-тройкой проскачет по русской литературе, чтобы через полвека быть подхваченной тройкой Высоцкого, скачущей во всех смыслах по направлению к Сибири, где поэтика Высоцкого поднимается ещё на один уровень, а именно – оборачивается песнями Николая Шипилова, который в буквальном смысле является учеником Александра Денисенко, его музыкальной ипостасью.